

Р. Г. Назиров

Древняя история Польши.
Зарождение
наций и государства

Предисловие к публикации «Истории Польши» Р. Г. Назирова

«История Польши»¹ Р. Г. Назирова представляет собой заметки, описывающие историю Польши от древних времен. Ученый не был профессиональным историком, поэтому стиль его заметок не похож на стиль исторического исследования.

Заметки, относящиеся к различным периодам истории Польши, описывающие время правления того или иного короля, отличаются разной степенью детализованности. Так, например, Мешко II и Казимиру Обновителю (Восстановителю) посвящено всего по полстраницы, хотя правление по крайней мере Казимира Обновителя представляет собой обширный и важный пласт истории, а вот например Болеславу II Смелому исследователь посвящает много места в своем повествовании, в основном за счет цитирования романа о временах царствования Болеслава Смелого Юзефа Игнация Крашевского «Болеславцы». Такое «неровное» распределение материала объясняется, очевидно, тем, что Р. Г. Назирову не хватало источников для одинаково подробного описания каждого из периодов польской истории. К тому же он, как историк литературы, не мог, очевидно, не увлечься историческим романом Й. И. Красицкого. Кроме этого, исследователь цитирует и другие литературные источники, которые, по его мнению, могут помочь читателю лучше понять суть того или иного исторического явления. В «Истории Польши» мы встречаем ссылки на хроники Галла Анонима, народные легенды.

К сожалению, исследователь почти нигде не указывает ссылки на источники, по которым составлялась «История Польши». Между тем, зная Р. Г. Назирова, можно с уверенностью утверждать, что источников этих было много, некоторые из них были на польском языке, о чем свидетельствуют иноязычные вкрапления в русском тексте. Это не только отрывки из литературных произведений (например, победная песня рыцарей Болеслава Кривоустого со ссылкой на хронику Галла Анонима; свидетельствует ли это, что автор «Истории Польши» читал хронику в оригинале?), но и некоторые научные выводы (как, например, в главе о Болеславе Храбром), а также наименования. Беглый анализ этих вкраплений позволяет прийти к выводу, что Р. Г. Назиров знакомился с историческими источниками на польском языке, делал заметки, а некоторые места не мог сразу перевести и делал выписки из них на языке оригинала. К сожалению, названия этих источников он в своей рукописи не сохранил.

¹ АРГН, оп. 2, д. 68.

В целом, так сказать «фабула», событийная канва описания древнейшего периода в истории Польши, представленное в публикации, знакомо каждому польскому школьнику, современные российские читатели также легко могут ознакомиться с историческим описанием этого периода на русском языке. Существует несколько исторических описаний, вкратце представляющих начало польской истории так, как это сделал Р. Г. Назиров в своих заметках. Подробности исторических событий следует искать в серьезных научных трудах. Современному читателю «История Польши» Р. Г. Назирова может быть интересна, по моему мнению, прежде всего с точки зрения культурологических и литературных комментариев, которыми сопровождает повествование автор: это заметка о польских преданиях и легендах, замечания о легенде о воцарении Пястов, различные культурологические и языковые комментарии описываемых событий, рассыпанные в тексте.

Е. А. Выналек
Университет Вроцлава

Добавление от редакции

Польша — один из самых ранних культурных ориентиров Р. Г. Назирова. Не вполне понятны истоки этого интереса, но уже в дневниках первой половины 1950-х порой встречаются фразы на польском, упоминания произведений польских писателей (видимо, многих Назиров читал в оригинале). Позже он постоянно читал польские журналы, видимо, обладавшие по сравнению с русской прессой большей степенью свободы. Еще позднее польская литература и культура стала одним из источников (может быть, не самым важным, но относительно постоянным) типологических сопоставлений и контекстуального расширения мысли. Наконец, уже в публикуемом конспекте обращает на себя внимание, что вместе с историей Назиров старается видеть ее мифопоэтическое отражение в национальной культуре. В упрощенном, предварительном мире «История Польши» уже демонстрирует подходы, использованные Назировым в монографии «Становление мифов и их историческая жизнь».

На месте нынешней Польши

Железный век на этой территории охватывает эпоху с 650 <г.> до н. э. по 500 <г.> н. э. — Период с 25 по 500 год — период римского влияния. В это время племенная аристократия этого края вывозила в римские провинции железо, янтарь, мёд, воск, меха. Экспортировались и рабы.

В свою очередь из римских провинций привозились, особенно в 161—180 годах, бронзовые и стеклянные сосуды, украшенные эмалью застёжки (фибулы), железные кольца. Но главным «предметом ввоза» были римские монеты; в большинстве своём они датируются 67—180 годами, т. е. временами кесарей от Веспасиана до Марка Аврелия. Эти монеты имели хождение среди местных племён, т. е. использовались по своему прямому назначению.

В 25—500 <гг.> на землях будущей Польши имел место демографический взрыв. Эту территорию (около 250.000 км²) заселяли тогда примерно 750.000 ч<елове>к, из них более 600.000 славян, 65.000 западнобалтийских племён и 60.000 германцев. Число последних, после отхода 30.000 готов, сократилось наполовину, а к V веку это были уже остатки без выраженного этнического облика.

Предки современных поляков жили в бассейнах Вислы, Одры и Варты, называли себя полянами (жителями полей), и состояли в тесном родстве с днепровскими полянами, столицей которых с VII или VIII в. был Киев.

Возможно, все поляне — единая древнеславянская народность, разветвившаяся в VII веке на западных и восточных полян. Центром западных полян уже в VII веке стало Gniezno: возможно, название города происходит от слова «гнездо». По преданию, город основан на том месте, где было найдено гнездо белого орла^{*}.

Высокие люди со светлыми волосами, поляне занимались земледелием; их общины управлялись через вече и выборного правителя. На вече собирали, рассылая по дворам вицы (переплетённые пучки ветвей); впоследствии по этому знаку стали собирать только «земских людей» на раду (совет) или на войну.

* Внизу страницу вырезка, автор и источник которой не указаны: «В VIII веке на прапольских землях шёл усиленный процесс образования многоплеменных союзов. Тогда оформились (на территории от 10 до 36 тыс. кв. км.) крупные племена: вислян (позднее краковская земля), полян (гнезненская земля), сленжан (два племени) и по всей видимости поможан. Наверное, существовало еще одно независимое племя любушан. Сформировавшиеся в границах этой многоплеменной федерации органы после усовершенствования вошли в территориальный и политический состав полян и вислян.

Поляне состояли в родстве не только с днепровскими славянами, но и с прибалтийскими поморами, а также с чехами и моравами. Многие считают, что ещё в X веке *поляки и чехи говорили практически на одном языке*.

В IX веке вокруг Гнезно сложилось одно из ранних западнославянских государств, но его начальная история тонет в тумане легенд.

Вторым по времени центром польской народности стал Краков, возникший вокруг языческого капища. Холм Вавель очень долго считался священным местом: славяне-язычники совершали свои требы на вершинах гор и холмов. Вероятно, в древности Вавель служил местом культа. Возможно, вавельская пещера (сохранилась по сей день) служила для ч<еловече>ских жертвоприношений, типичных для всего славянства.

Язычество

Язычники-поляне отличались богатой фантазией, почитали волхвов и боялись чар, верили в злых духов и боялись лятавиц (ведьм, летающих на шабаш). Вильколак — оборотень, ч<елове>к-волк, упырь. Лихо — олицетворение зла. Извой — это вий, чудовищный ч<елове>к с железными веками.

Поляне верили в лешего и в дурной глаз. Местами безжалостно засекали старух, заподозренных в волхвовании, особенно когда коровы теряли молоко.

Все древние славяне верили, что для прочности нового сруба нужно кому-нибудь умереть; при закладке дома приносилась ч<еловече>ская жертва. Дома даже знатных и богатых славян на Висле топились по-чёрному. От дыма бревенчатые стены изнутри были сплошь покрыты блестящей сажёй. В домах держали деревянных идолов и «кормили» их. Ели из глиняных мис деревянными ложками, пили мёд.

Языки западных славян

Языковеды насчитывают на земном шаре около 3000 языков, к<ото>рые ведут своё происхождение от 23 важнейших языковых семей. Одна из них — индоевропейская семья. В её северную подсемью входили некогда германцы и славяне.

В III—IV веках произошло окончательное разделение прежнего славянского единства. Следствием этого процесса было образование трёх славянских групп: западной, восточной и южной.

В границах западнославянской группы со временем развились чешский, словацкий, верхнелужицкий, нижнелужицкий, польский и исчезнувший в середине XVIII века древлянский (или полабский) язык.

Древние польские предания и легенды

По древнему польскому преданию, в пещере холма Вавель некогда жил зме́й, пожирающий людей (*smok wawelski*). Этого змея убил Крак (*Cracus*), бросив ему на съедение барана, наполненного зажжённой серой; томимый жаждой, зме́й стал пить воду из Вислы и лопнул, а благодарн<ый> народ провозгласил Крака королём. Согласно последующим преданиям, дочь Крака Ванда основала на Вавеле город Краков и стала его королевой.

В XIX веке солярно-метеорологическая школа так объясняла этот миф: Крак — олицетворение Солнца, зме́й — зимы, а баран с тлеющей внутри серой изображает весеннюю тучу, чреватую молнией. Глупее не придумаешь.

Ванда — мифическая героиня польских народных преданий, сохранённых первыми летописями (на латыни); королева основанного ею Кракова. Дочь короля Крака (*Cracus*), по смерти к<ото>рого осталось также два сына. Один из них убил др<уго>го и сам должен был оставить отечество. Тогда народ пригласил на царство прекрасную и добрую Ванду.

За неё сватается немецкий князь Ридигер. Ванда, не желая выходить замуж за иностранца, даёт послам решительный отказ. Оскорблённый Ридигер снаряжает поход против Ванды, к<ото>рая с войском выходит ему навстречу. Немцы при виде сияющей Ванды обращаются в бегство. Ридигер в отчаянии бросается на свой меч и умирает.

Тогда Ванда, исполняя данный богам обет принести им в жертву свою жизнь за победу, бросается в Вислу; тело её найдено и похоронено на берегу, а над нею усыпан высокий холм, к<ото>рый до сих пор называется «могилой Ванды»; неподалёку находится другой такой же — «могила Крака».

Крак мыслился драконом. Отсюда сближение д<окто>ра Карловича (D-г *Karłowicz*: *Piekna Meluzyna i królowna Wanda*. «Ateneum», 1876).

Лингвисты XIX в. полагали, что *Vanda* — это в летописях латинская передача славянского *Węda*. Ср. греч. юд.-ор. (вода), санскритск. *undana* (наводнение), лат. *unda* (волна), древнеслав. вода. Корень *und*, *vond*, *vod*. значит Ванда — древнее божество или олицетворение воды. Сомнительно.

[вставка*]

Празднества древних полян были такими же, как у восточных славян: масленица, весенний праздник, с шествием ряженных, с выпечкой круглого хлеба (в форме солнца), с сожжением соломенного чучела зимы; купальская ночь среди лета (в католической Польше превратилась в скромную «вигилию святого Яна», когда девушки гадают о замужестве, пуская свои венки по Висле);

* Фрагмент представляет собой листок, вложенный в основную тетрадь. Помещен в раздел «Древние польские предания и легенды», исходя из его смысла.

⤿

Мажана — олицетворение зимы, у чехов Мажена, по-украински Морена. Образ восходит к общеиндоевропейской мифологии*.

Легенда о воцарении Пястов

Первая польская династия — Пясты — явилась на смену легендарного рода Попелидов, о к<ото>ром сохранились народные предания. О Попеле знал и первый хронист аноним Галл, писавший (на латыни) в нач<але> XII в. (Галл Аноним: Хроника и деяния князей или правителей польских. М., 1961). Род Попеля, княжившего в Гнезне, вымер, и Попель передал власть сыну крестьянина Пяста — Земовиту. Подробности этого события заимствованы из фольклора и житийной литературы.

По рассказу Галла Анонима, таинственные странники, не найдя приюта у князя Попеля, к<ото>рый праздновал «пострижины» сына¹, встретили радушное гостеприимство у крестьянина Пяста и его жены Репихи; в благодарность они предрекли хозяевам, что их сын станет князем. Злой и жестокий Попель жил в башне на берегу озера; в этой башне его съели мыши. Княжить на Гнезне стал крестьянский сын Земовит, родоначальник Пястов.

Эта легенда — плод контаминации каких-то историч<еских> фактов со сказками. Сказочные мотивы: 1) гостеприимство, оказанное неизвестным странникам, и их тайное могущ<ест>во (ср. греческий миф о Филемоне и Бавкиде); 2) съедение злого правителя мышами (ср. немецкую сагу о епископе Гаттоне, Hatto von Mainz, жившем ?—970).

Ещё в 1898 <г.> Гайслер отметил, что легенда, записанная в хронике Галла, соответствует преданию о св. Германе, рассказанному франц<узским> монахом Эриком в сер<едине> IX века (Vita S. Germani, Miracula S. Germani, libri duo) и получившему большое распространение в среднев<ековой> литературе.

Имя Piast происходит от глагола pięścić (лелеять) или piastować (пестовать, воспитывать). Отсюда и современное piastun (пестун, воспитатель). В 1902 <г.> Матусяк, производя имя «Пяст» от глагола «пестовать», указал, что в истории имя

* Лист, содержит вклеенную вырезку. Источник, авторство и дата вырезки не указаны: «Одним из первых весенних обрядов, частично сохранившихся в Польше до сих пор, является так называемое утопление Мажанны, обряд, имеющий свои истоки скорее всего еще в древних языческих верованиях. 7 марта одетую в женское платье куклу тянули на цепях через всю деревню, бранили и колотили, потом со всеми церемониями топили в реке или озере. Мажанна была олицетворением зимы, ее холода, болезней, смерти, застывшей от мороза жизни. С этим обрядом в прошлом связывались различные суеверия. После утопления грозной куклы участники быстро разбежались по домам, стараясь не споткнуться или — еще хуже — не упасть, поскольку в этом случае человека ожидала смерть, в лучшем случае тяжелая болезнь. Сегодня старинный обряд превратился в веселую игру на свежем воздухе, в массовые прогулки при появлении первых, еще едва теплых лучей весеннего солнца. Топить Мажанну особенно любят деревенские ребятишки, не забывающие обычаев предков, культивирующие старые традиции.

¹ [В рукописи сноски даны под звездочками, в нашей публикации авторские сноски даны под порядковыми номерами] Пострижины — славянский обычай острижения волос княжича, когда отец впервые сажал его на коня (пережиток инициаций).

Пяст (кроме названия династии) более не встречается; нет его следов и в польской топонимике.

Ergo, то было не собственное, а нарицательное имя: piast было названием воспитателя княжских детей (paedagogus nutritor).

То, что пестун княжича захватил реальную власть при Попелидах, полностью отвечало бы закономерностям раннефеодальной эры: во Франции при последних Меровингах реальную власть над франками захватили майордомы (домоправители) из рода Робертинов, к^{ото}рые затем завладели и престолом — это династия Каролингов; в Шотландии постепенно достиг трона род Стюартов, пишется Stewart, но первоначально было Stuard (высший придворный титул).

Выдвигалось также предположение, что Пяст был не только воспитатели, но и приёмным отцом последнего Попелевича, от к^{ото}рого и унаследовал трон по праву адаптации. — С. Шнейдер в 1907 <г.> пытался интерпретировать легенду в духе почитания земли и хтонических божеств.

Сегодняшняя трактовка («Мифы народов мира»)

Попель, Пепел — в западославянской раннеисторич^{еской} традиции легендарный князь, изгнанный за свою несправедливость своими соперниками из рода Котышки и заеденный мышами (ср. западноевропейский мотив смерти епископа Гаттона). Архаические истоки легенды обнаруживаются в сопоставлении с восточнославянской сказкой об Иване Попялове, к^{ото}рый 12 лет лежал в пепле, затем, стряхнув с себя шесть пудов пепла, убил «змеиху», а пепел её рассыпал (типичное для мифа повторение основного мотива, выраженного в имени героя). Змеборец превращается в кота, подслушивая разговор змеихи с дочерьми: ср. имя Котышки в польской легенде и мотивы противопоставления кота и мышей, восставшего из пепла богатыря и слепоты, связанный с пеплом (в польской легенде князь Мешко из рода Котышки был слеп 7 лет).

В хронике Галла Анонима говорится, что после Земовита княжил его сын Лешко, потом сын Лешка — Земомысл, за ним сын его Мешко. Это и есть первый исторический князь древней Польши, к^{ото}рый около середины X века объединил в одну державу племена, жившие от Одры до Вислы.

Mieszko I (922—992)

Первый исторически достоверный князь полян — Мешко (Мечислав) — правил с 960 <г.> Под влиянием своей жены Добравы (Дубровки?), дочери чешского князя Болеслава I, Мешко в 965 <г.> крестился по греческому обряду. Согласно др^{уги}м данным, он крестился в 966 <г.> по римскому обряду. В ту

пору окончательного раскола Церкви ещё не произошло. Вскоре Мешко христианизировал весь свой народ: крещение совершалось по латинскому образцу (966). Добрава умерла в 977 <г.>

Христианизация полян усилила позиции Мешко I в той упорной борьбе, которую он вёл против немецких маркграфов. Отныне они не могли ссылаться на то, что убивают язычников и захватывают их земли во славу Христа. Христианизация Польши и установление прочной связи с Римом во многом предопределили судьбу нации: польская культура начала развиваться в духе западноевропейской цивилизации.

В 966 или 967 <г.> Мешко нанёс сильное поражение немецкому маркграфу Вихману. Воевал с датчанами из-за Поморья*. По некоторым данным, в 968 <г.> женился на чешской княжне Дубровке и начал крестить свой народ. Датировка событий спорная.

Воин и политик, Мешко объединил всех полян в единое государство: ядром его была средняя Висла и земли к западу от неё, а столицей — Гнезно. Мешко вмешивается в распри немецких князей на стороне Оттона Великого*, и потому немецкий историк Видукинд назвал Мешка I «другом императора». В 977 <г.> умерла княгиня Дубровка, и Мешко женился на саксонской княжне Оде, вследствие чего в Польше возросло влияние немцев.

Вместе с саксами Мешко воюет против поморских и др<уги>х западных славян, которые оставались в основном язычниками. Выгода его положения в Германской империи позволила Мешку I в войне против чехов завоевать и присоединить Силезию (990). Мешко воевал также с киевским князем Владимиром из-за червенских городов.

В Гнезне Мешко I построил кафедральный собор, первый в Польше (теперь на том же месте стоит другой собор, построенный позже). Он объединил полян, присоединил к своим землям Поморье и Силезию, *создал сильное молодое государство*. Когда Мешко умирал, у его смертного одра стоял сын и наследник — Болеслав Храбрый, достойный продолжатель отцовского дела.

* Фрагмент rgn-68-1-16: «Западное Поморье. В 967—972 г. Мешко I подчинил Польше Западное Поморье. В правление его сына и наследника Болеслава Храброго Колобжег стал центром епархии.

* Фрагмент rgn-68-1-24: «Оттон I Великий (912—973) — германский король с 936, основатель Священной Римской империи (962), которую он создал после завоевания Северной и Средней Италии. С того же 962 г. он первый «римский император». Он правил искусно, опираясь на крупных церковных феодалов и уменьшив могущество вассальных князей. Оттон I продолжал политику завоевания и истребления полабских славян. Остановил мадьярское вторжение.

Его сын, император Оттон II (955—983), правил Империей Запада десять лет, отнял у французского короля Лотарингию, отразил набеги датчан и покорял западных славян.

Сын Оттона II, Оттон III 980—1002, воцарился во младенчестве и жил мало. В 1002 ему наследовал Генрих II (973—1024), к<ото>рый с 995 г. был герцогом баварским.

В лице Генриха II прекратилась Саксонская династия, и скипетр перешёл к Франконской династии.

Bolesław Chrobry (967? — 14.VI.1025)

Старший сын Мешко I и Добравы, Болеслав с юных лет участвовал в трудах княжения и в войнах против немцев проявил дар полководца. Он начал княжить предположительно в 992 <г.>: расширил границы государства, завершил процесс объединения польских земель, создал систему укрепленных поселений, сформировал сильную военную дружину. Словом, он был *творцом могущества Польши*.

На рубеже X и XI веков Гнезно стало резиденцией Болеслава Храброго. Была выбита монета с латинской надписью «Gnezdum civitas» (подпись свидетельствует, что поляне «ощущали» это «д» в корне названия города: может быть, говорили Гнезно).

В конце X века чешский миссионер Войцех пытался обратить в христианство литовское племя прусов, жившее на берегу Балтийского моря; прусы убили его. Польский князь Болеслав выкупил его останки и перевёз в Гнезно. Войцех был причислен к лику святых.

Болеслав добился от Рима организации самостоятельной епископской кафедры в Гнезно (1000 год) — первой в Польше; поэтому по сей день архиепископ гнезненский <является> примасом Польши (высшим духовным лицом в стране) и носит сан кардинала римской курии.

Результатом учреждения гнезненской метрополии явилась pielgrzymka do Gniezna cesarza Ottona III. В Гнезне в 1000 <г.> произошла историческая встреча Болеслава Храброго с «римским» императором Оттоном III. Кайзер пожаловал Болеславу титул патриция, «помощника и сотрудника Империи и друга римского народа». Политические перспективы этой встречи оставались пока неясными, но торжественность и блеск zjazdu gnieźnieńskiego произвели сильное впечатление на современников.

Личной резиденцией Болеслава I на рубеже веков служил княжеский град на реке Варте; перед крепостью был посад, а на Тумском острове среди Варты — торговый посёлок. В 1253 <г.> это местечко получит городские права; тою же грамотою будет постановлено основать город на этом месте, на левом берегу Варты: он будет назван Познань.

На месте поселения племени вислян (VIII—X вв.) был основан ранее их город Краков. Болеслав I завладел Краковом, червенскими городами и даже Моравией (см. далее).

По всем углам своего замка Болеслав Храбрый держал коханок, сколько душе угодно. Тогда появилась поговорка: «Лучше быть королевской коханкой, чем землянской жёнкой». Старые славянские обычаи начали забываться: мир более не имел права голоса, как было в старину. Под железной рукой Болеслава земские люди и рыцарство были вынуждены забыть о своих извечных правах.

⤿

В 1018 <г.>, поддерживая в русской междуусобице своего зятя Святополка, Болко Храбрый совершил победоносный поход на Киев; в результате похода поляне на время захватили червенские города.

С X века важным городом Пястов был Вроцлав на реке Одра, сильный опорный пункт в борьбе против германской империи. Уже в 1000 здесь имелось епископство.

Болеслав был не только полководцем, но и талантливым дипломатом. Его успехи настолько подняли престиж Польши, что Болеслав, благодаря усилиям в Риме своего брата архиепископа Ламберта, получил согласие папы римского на принятие им королевского титула (1024).

В праздник Bożego Narodzenia 1024 roku в своём Гнезненском соборе Болеслав короновался на króla polskiego. Церемония была великолепной: пение труб, звон серебряных колоколов, радостные крики народных толп, лязг щитов, в к<ото>рые ударяли воины; архиепископ в кадилном дыму возложил на голову Болеслава золотую корону. Польша стала королевском, и Европа признала Болеслава королём.

Он увеличил отцовское наследие, в борьбе со Священной Римской империей отстаивал независимость Польши, распространил свою власть на значит<ель>ную часть западнославянских земель. W okresie panowania Chrobrego zostały dokonane trzy kluczowe dla naszej przyszłości historycznej osiągnięcia: 1) założenie własnej metropolii w Gnieźnie, co w porządku średniowiecza miało zasadnicze znaczenie w utwierdzeniu suwerenności politycznej; 2) zwycięskie wojny z Niemcami oraz 3) zmieniające ustrojowe podstawy państwa ustanowienie królestwa.

Правда, уже в XI веке королевство будет низвергнуто, но память о нём поможет позднейшим полякам восстановить государственное единство после эпохи удельной раздробленности, а может быть, даже избежать раздела Польши между орденом крестоносцев (Тевтонским орденом) и императорской династией Люксембургов, завладевших Чехией.

Мешко II

В 1025 <г.> умер Болко Храбрый, побыв королём менее года. На королевский престол взошёл его сын Мешко Болеславович и правил девять лет.

Фактически власть захватила его жена Рыкса. Давняя славянская вольность снова подняла голову. «Король дурит, а королевством заправляет баба!» Земство возмутилось, и временное возрождение его свобод кончилось взаимным несогласием, смутой и разорением. Мешко II короновался королевской короной, но не смог удержать отцовского наследия: он отдал Словачину венграм, Поморье — датчанам, Моравию — чешскому князю Бретиславу, Червонную Русь — киевскому князю, а Лужицы — римскому императору Конраду II.

Слабый король Мешко умер в 1034 <г.>, и началась смута, длившаяся до 1040 <г.>. Новокрещённый народ польский массами возвращался в язычество. Пользуясь

этой смутой, чешский князь Бретислав захватил Польшу, но кайзер Генрих III не желал допустить такого усиления чеха и помог сыну Мешка II, Казимиру, находившемуся в монастыре.

По просьбе императора Генриха папа римский освободил Казимира от монашеских обетов, и с помощью 600 рыцарей кайзера Казимир Обновитель вернул польский престол национальной династии.

Сегодня польские истори<к>и (????) считают, что Рыксу правильнее называть Rychesa, а её даты жизни — 989—1063. Она была дочь рейнского палатина Эрнефрида — Эзона, супруга Мешко II и мать Казимира I Восстановителя. Царствование последнего определяется датами 1038—1058.

Казимир I Восстановитель (Kazimierz Odnowiciel, 1016—1058)

Казимир I носил только княжеский титул, но был талантливым политиком. Он усиленно насаждал в Польше христианство, пошатнувшееся в смутах предшествующего периода; укрепил независимость польского Костёла от высшего германского духовенства. Ради обеспечения прочного тыла он вступил в союз с Киевской Русью, и около 1041 (1042?) <г.> Ярослав Мудрый отдал ему в жёны свою сестру Добронегу, в крещении Марию. Брак князя с поздней дочерью св. Владимира, крестителя Руси, гарантировал Польше дружбу с Киевом. Мария—Добронеге переживёт и мужа, и сына, умрёт семидесяти пяти с лишним лет (1087).

В 1047 <г.> Казимир вернул Польше Мазовию. Он отстроил Тынец — бенедиктинский монастырь, древнейший в Польше, основанный при первых князьях и сожжённый отступниками при Мешке II. С Римской империей Казимир почти всегда поддерживал хорошие отношения; в 1054 <г.> вновь присоединил к Польше Силезию.

Славянское вечевое начало рушилось. Со времён Мешка Старого правили князья и короли. Они присвоили себе исключительное право созывать вече, причём созывали только избранных властью людей, угодных себе.

При Казимире Восстановителе снова укрепилось королевское единовластие, а когда бразды правления принял его сын Болько Щедрый, он уже ни с кем не пожелал считаться.

Молодое королевство Пястов при Болеславе II снова проявило воинственность, снова стало вести частые войны с соседями, к<ото>рые ослабляли Польшу. Болько Щедрый хотел превзойти бранной славой своего прадеда и тезку Болеслава I. Едва не с первых дней княжения он начал воевать, водил рыцарство и против венгров, и на Русь, не давал ратным людям ни отдыха, ни срока.

Земских людей он совсем не хотел знать за исключением служилых, величаться не давал никому из своих подданных; князь был сильный и властолюбивый.

Болеслав II Смелый (ок. 1040? — 1081?)

В 1058 <г.> Казимиру I наследовал его юный, но властный сын Болеслав II Смелый, он же Щедрый. Рождённый от русской матери Добронеге и женатый на русской княжне, тесно связанный с Русью военным побратимством, Болько правил как полководец и неограниченный властитель, распоряжаясь у себя, как в завоёванной стране, по обычаю Киевской Руси.

Всё должно было ему повиноваться по манию руки: смерды, войско, земские люди, даже духовенство, к<ото>рое он сам назначал на епископские кафедры и от к<ото>рого требовал покорности. Потому он предпочитал епископов-поляков тем итальянцам и французам, к<ото>рых ему присылали из Рима.

Он вёл упорную борьбу с духовенством, к<ото>рое слишком ясно чувствовало свою связь с могущественной римской Церковью, чтобы подчиниться королю без попытки сопротивления. В др<уги>х странах государи делились властью с Церковью, а порою и подчинялись ей. В Европе совершался перелом, к<ото>рый должен был решить судьбу Церкви: быть ли ей, по словам Гильдебранда, солнцем, а светским государям — месяцами, либо удовольствоваться скромной ролью спутника кесарского солнца.

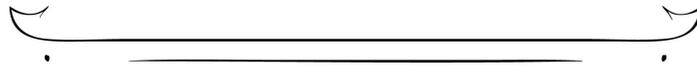
С 1058 <г.> он княжил в Кракове, куда перенёс столицу вследствие борьбы с Русью. Он восстановил независимость Польши от Священной Римской империи, вмешивался в дела Венгрии и Руси.

В русском походе 1069 <г.> Болько занял Киев, но вскоре был вынужден оставить его из-за начавшегося в городе восстания. Он воевал также с Чехией.

В 1076 <г.> он короновался в Гнезно и вновь принял королевский титул (декабрь 1076 <г.>). Во время коронации его трон окружали 15 польских епископов, словно 15 воевод могучей рати, заодно с которой теперь стояли и земские люди, желавшие участия в управлении. Готовился союз Костёла и земства против слишком деспотичного и воинственного короля.

В 1077 <г.> он совершил второй поход на Киевскую Русь, ещё более успешный, чем 8 лет назад. Однако эти походы ослабляли западную границу Болеслава. При нём Польша потеряла Западное Поморье.

Душой оппозиции был краковский епископ Станислав из Щепанова, могущественный церковный феодал, имевший свою дружину. Он дерзал спорить с Болько Щедрым и был прозван «королём в Костёле». То был величавый мужчина средних лет; его чёрное одеяние было украшено только наперсным крестом, и он ездил (обычно шагом) на лошади, покрытой богатым чепраком.

Телохранителями короля были пять братьев из рода Ястшембцев (Jastrzębiec); они с гордостью носили имя «болеславцев», данное им в качестве бранной клички. Вот как описывает их романист Крашевский.

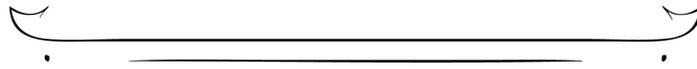
Болеславцы, возвращаясь с охоты, расположились отдыхать под сенью дубов Неполомыцкой пуци (близ Кракова), благоухающей в весеннем цвету. По берегам ручья росли жёлтые цветочки мелких лютиков и курослепа. Челядь королевских наперсников поджаривала на огне мясо, добытое удачной охотой, и не спускала глаз со спутанных коней. Мясо было жёстко и имело мало жира: ещё не отъелись звери, истощённые зимним голодом.

Нарядные господа, раскинувшись на траве, лениво попивали мёд из турьих рогов. На болеславцах были кожаные кафтаны, расшитые цветными узорами, а поверх них — другие кафтаны из лёгкой ткани, наброшенные на плечи. На всех была одинаковая одежда, одного покроя и ткани, и лёгкие шлыки одинакового меха. Рядом лежали отстёгнутые и прикрытые шапками обнажённые мечи.

Среди густой травы на луговине паслись их гладкие кони с лоснящейся шерстью, долгогривые, тонконогие и полудикие. На воткнутых в землю кольях сидели три спутанные ловчие птицы с колпачками на глазах; вокруг костра расположилась свора гончих.

Возвращаясь в Краков, болеславцы со своей челядью и псами занимали всю ширину дороги. Завидев дружинников короля, все сворачивали на обочину и кланялись в землю. Болеславцы принимали это как должное и не стеснялись, когда тяжело гружёный воз сворачивал перед ними на пашню. Собаки болеславцев гонялись по полям за овцами, и пастухи не смели их отгонять. Смерды (и их бабы) убегали подальше в леса во избежание опасной встречи. Болеславцы ехали, держа бердыши на плечах; кроме того, при них было охотничье оружие: лёгкие рогатины с остро отточенными наконечниками, луки, короткие мечи и кожи.

Подле Кракова в стороне от большой дороги стояли обширные дворцовые строения, обнесённые частоколом и обсаженные деревьями. Здесь жил Болько Смелый, который и Русь одолел, и над венграми властвовал. По вечерам он устраивал пиры: во дворе ярко пылали смоляные бочки и костры, к небу восходили облака тёмнобагрового дыма, пронизанного искрами. Дом был озарён изнутри; далеко слышались крики, смех, пение, игра на гусях. «Король коротает время на своём сельском подворье», говорили кругом. — «Где наш пан, там и веселье!» — восклицали болеславцы. У ворот толпилась многочисленная дворня; во дворе рядами стояли привязанные к яслям кони. Др^{уги}х коней челядь водила под уздцы. Сквозь распахнутые окна виднелись освещённые факелами комнаты; из них неслись залихватские напевы и бряцание гуслей.

Челядь во дворе сидела за богатой трапезой: тесным рядом стояли бочки с напитками, рядом лежали ковши и черпаки; высились горы хлебов; белели круги сыра на соломенных плетёнках; отовсюду доносился запах жареного мяса. У окон и дверей толпилась челядь, разоде́тые «дворяне» в богатых доспехах и ратные люди в цветных кафтанах.

Здесь же златотканой попоной, волочившейся по земле, двое конюхов водили Орлицу, любимую лошадь короля. Слуги подносили ей куски хлеба и по́йло, но она с презрением отворачивалась: невысокая, серая в яблоках, с большими глазами, долгой гривой и хвостом до копыт, заплетённым в косу с золотистой лентой, она по временам с громким ржанием поднимала голову. Откликаясь на голос повелительницы табуна, жеребцы рвались с привязей, и их ржание заглушало людские песни. Орлица имел особую прислугу и отдыхала в особой палатке на ворохе свежей соломы, среди кадок с водой и овсом и вязок душистого сена.

В длинной и низкой комнате, освещённой факелами в руках парней, расставленных вдоль стен, стоял длинный стол под скатертью, расшитой русскими узорами, и заставленными золотой и серебряной посудой. Ковши, жбаны, кубки, мисы — всё было грубо выковано из золота и серебра и сверкало в свете факелов. Хлопы и смерды, к к<ото>рым король был ласков, теснились у окон и дивились обилию посуды.

На широкой лаве со спинкою и поручнями сидел Болеслав — мужчина с чёрн<ыми> глазами, тёмнорусый, со слегка подстриженной бородой. Он был одет в шёлковый, шитый золотом кафтан с золотыми шнурками и кистями; на шее блестела толстая цепь; на широком кушаке висел короткий меч в оправе из драгоц<енных> камней. С головы слегка свешивался набок алый шлык с меховой оторочкой. Ноги были обтянуты узкими суконными штанами и обуты в красные сапоги с окованными золотом носками. Лицо его дышало силой, страстью и гордой самонадеянностью, а рука покоилась на круглом белом плече сидевшей рядом красавицы.

Молодая женщина, почти ребёнок, одетая в голубое с золотом платье и роскошную красную накидку, взирала на своего пана, как на божество; смех её согревал остывающее сердце владыки. То была Христя, жена рыцаря Мстислава из Буженина. Король и болесл<ав>цы увезли её из Буженина; это её ничуть не печалило, но земство подняло шум, и в дело вмешался епископ Станко.

После полуночи гусяры опились мёдом и заснули на своей скамье; король с чернбровой красавицей удалился в опочивальню. Всё стихло, только возле лошадей во дворе ходила стража, да у дверей королевск<ой> опочивальни менялись часовые, чтобы было кому явиться на зов. Случалось, Болко среди ночи вскакивал и подымал всех на охоту, или в Вавель, или на войну: нельзя было предугадать его волю. Но в ту ночь он спокойно заснул с красавицей Христей.

Недовольные

А тем временем в неск<оль>ких милях от него тайно собиралось земство, приглашённое на раду Мстиславом из Буженина и др<уги>ми земскими людьми, оставившими короля. На раду ехал и епископ Станислав из Щепанова. Собиралась рада по тайным вицам в малодоступном месте — урочище Девичья Поляна. С великой осторож<ность>ю съехались самые родовитые из землян: Топоры, Шьренявы, Лисы, Доливы и др<уг>ие². Не было ни челяди, ни слуг: им не доверяли. Буженинский пан, душа тайного веча, сам ездил по дворам и скликал землян, он пригласил и епископа Станислава.

Девичьей Полянкой называли дол среди непроходимой пуши; среди дола высился огромный вековой дуб. По преданию, здесь раньше праздновались суботки³, собиралось вече; тут было языческое кладбище и остатки погорелищ от костров. Под самым лесом зеленела Курова могила — курган древнего вождя, погибшего на этом месте. В эпоху Болеслава Щедрого народ ещё собирался здесь петь старые песни и справлять языческие обряды. Для противоборства этому настоятель прихода поставил здесь деревянный крест, на к<ото>рый богомольцы, как в языческие времена — на деревьях, вешали одежду исцелившихся от болезни, а к подножию креста слагали дары, принесённые по обету.

Угрюмо, без повозок и без челяди, съезжались земляне; молодёжь заботилась о лошадях. Тайный съезд был опасным подвигом: Болеслав был крут на расправу, и виновного не отдавал суду, а посылал своих верных головорезов и приказывал любого вести на плаху.

Достали кубки и бочонки, вино запенилось, здравица пошла за здравицей. Прибыл епископ Станко с Мстиславом из Буженина, и началась рада, полная гневных речей.

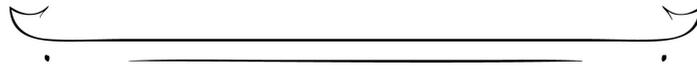
Говорили, что Болеславу рыцарство и земские люди — бельмо на глазу. Он окружает себя русскими за то, что те бьют ему земные поклоны. Его телохранители — рабы и печенеги. Стародавних вотчинников он ставит ниже собак.

Вспомнили, как Томек Свадьба ходил к королю и пал ему в ноги, чтобы замолить свою вину: самовольный уход из Киева на родину и повешение шестерых хлопов, осквернивших его ложе. Король казнил его без жалости. Старый Топор сказал:

— Не так бывало при Мешке Старом и Болеславе Храбром. Строгие были короли, но справедливые: ничего не делали без рады... А этот хочет всё повернуть по-своему, мы для него не лучше черни. Владыка ли, жупан* ли, ратный ли ч<елове>к, или простой хлоп и раб — для него все равны.

² Прозвища родов служили боевым кличем, по к<ото>рому сходились все представители рода и с к<ото>рым шли в бой. Позже они сохранились в названиях гербов польской знати.

³ Текст сноски отсутствует в рукописи. Очевидно речь идет о празднике Sobótki świętojańskie, польское навание праздника Ивана Купалы.

Спросили мнения епископа. Он просил земство не идти напролом; он сам поедет к королю и постарается убедить его. После этого Станислав покинул вече, отправляясь в Краков. Провожая его, Старый Топор сказал:

— Болько обрусел: хочет править нами по русскому обычаю. Разве не сумеем мы сыскать себе другого пана, как не раз уже бывало? Вы в силе у королевы Свитава и при чешском дворе⁴. Пусть они возьмут нас, как раз уже случилось, и правят нами, как своими чехами.

Епископ ответил:

— Мы ещё не дожили до необходимости искать другого пана и иную державу.

Старейшины посадили его в седло, поцеловали ему руку, и он уехал. Через нек<ото>рое время вече разъехалось, ничего не решив.

Болько Смелый плохо уживался с двумя главными силами страны — с Костёлом и земянами. Все его предшественники, в том числе и набожный отец, свято служили Костёлу; он же хотел подчинить Костёл своей воле, не чтит духовенства, священнослужителей считал своими ставленниками.

Французским и итальянским прелатам Болько предпочитал более послушных епископов-поляков. При нём поляки уже занимали важнейшие кафедры — в Гнезне, Вроцлаве и Кракове, хотя Рим смотрел на это косо.

Земяне отходили от короля. Если у кого были нелады с соседями, то спор решали на свой страх мечом, чтобы не прибегать к суду короля, слишком крутого на расправу.

Благоволение короля тоже не знало меры. Болеславцы тащили из казны сколько хотели; любимчики ходили в золоте и швыряли золотом. Король не обращал на это никакого внимания. А если кто хотел добиться такой милости, он должен был принести в жертву своё доброе имя, запятнать свою честь убийством, стать слепым орудием короля. Болеслав не знал пощады.

Превыше всего он ставил пышность и перед народом окружал себя величавой обстановкой. В этом он брал пример с немецких кесарей, к<ото>рых считал себе равней. Старики, помнившие счастливое время Болеслава Храброго, признавали, что никогда не видели столь пышного двора, как нынешний.

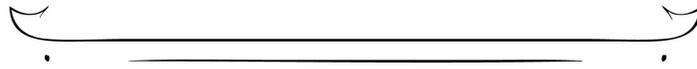
Жена Болеслава Щедрого, киевлянка Велислава, вечно печальная и заплаканная, носила шёлковый шугай и белый повойник. Под ласкающим попечением Велиславы и Добронегии рос слабый, изнеженный королевич Мешко.

Сердце королевства

Дворец на Вавеле тогда мало рознился от др<уги>х замков, разбросанных по краю. Сильный своим возвышенным положением, защищённый валом, тыном и

* Фрагмент ggn-68-1-16: «Župan — у западных и южных славян глава жупы, территориального объединения родовых, а позже соседских общин; при феодализме жупа стала территориально-административной единицей, а жупан — должностным лицом».

⁴ Свитава — сестра Болеслава Смелого, жена чешского короля.

частоколами, он внутри не отличается ни постройками, ни убранством. Каменных зданий было мало. За исключением одной каменной стены, возведённой над крутым, обрывистым берегом, всё было из дерева: бревенчатые терема с широкими по старому обычаю саями, на высоких резных столбах; конюшни, сараи, избы для ратных людей и дружины.

Низкие, неказистые, но пёстро раскрашенные дома были разбросаны на больших расстояниях друг от друга, а между ними лепились жалкие коморки и клетки.

Недалеко от ворот едва возвышался над окружающей стеной маленький костёл; скромный на вид, он мог вместить немного людей. Вокруг него было пусто, но под навесами, в стойлах, по дворам кишмя кишел народ: королевская дружина, пешая и конная рать, челядь и холопы, наполнявшие задворки и службы. Все эти люди выглядели гораздо наряднее самих вавельских построек.

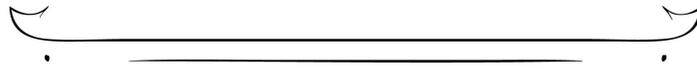
Среди этой разноплеменной толпы нахлебников были поляне, мазуры, русские, венгры, печенеги, ясыги и др. Много было молодых и сильных удалцов, много красивых женщин, смеявшихся и болтавших по замку. Здесь говорили на чешском, русском, венгерском и немецком. По-русски говорили при дворе старой королевы; молодая королева привезла с собой больше всего русской дворни.

Король нередко пользовался русским языком как разговорным; он привёз из Киева много челяди и предпочитал её всякой иной: русские повиновались с готовностью и весело. Больше любил слепое послушание. С венграми он говорил по-венгерски.

Он не любил ни владык, ни земских людей. Кмета, хлопа или смерда он ценил выше землянина (помещика). Число землян при его дворе уменьшалось. Все бесчинства и проказы дружинников Болеслава сходили им с рук.

Весной каждого утра был день, когда назначалось внесение в казну даней и налогов от сословий. Обряд отбывался обычно с великой торжественностью и пышностью. Съезжались вызванные ко двору владыки, жупаны, земские и посадские люди: все, обязанные вносить подати лично. Они складывали дань к стопам короля, восседавшего на троне. Часть дани вносилась мехами в вязках: сороками и полсороками.

В тот день на равнине у холма Вавель всё было готово для старинного торжества, давно не отбывавшегося из-за войн и долгих отлучек короля. С раннего утра отовсюду тянулись к Кракову и располагались станом на лугах вокруг Вавеля пешие, конные и возовые данники. Здесь были разбиты королевские шатры и устроено для короля высокое седалище, обитое алым сукном; к трону вело неск<оль>ко ступенек. Полог на золочёных шестах должен был защищать помост от солнца.

Вскоре после восхода солнца в городе началась суэта, а на лугу в толпах народа пронёсся говор, что король сейчас приедет. И почти сразу из замковых ворот показался блестящий поезд.

Подбор людей, краса и статность молодёжи, доспехи и оружие — всё блистало истинно царственной пышностью. Сверкали и переливались самоцветные камни с Востока, великолепные ткани и оружие. Впереди скакали 12 глашатаев по три четвёрки; трубя в золочёные роги, они возвещали выезд монарха. За ними шёл пеший отряд с топорами и щитами, все в одинаковых кафтанах и шапках с перьями; щиты были надеты на руки и пристёгнуты ремнями; они были обиты кожей, обильно позолочены и расписаны. За щитоносцами ехала верхом королевская челядь в голубых поддёвках, к^{ото}рые сверху были одеты панцырями; в руках они держали длинные копья, а кони их были до половины закрыты боевыми попонами. На головах копейщиков сверкали ярко начищенные шишаки с низко спускавшимися на нос забралами. Среди челяди преобладали могучие краснощёкие русины.

За копейщиками гарцевала дружина короля и ехал двор, ослеплявший роскошью одежд. Придворные старались перещеголять друг друга: старинные доспехи, привезённые через Русь из-за моря, и новые, немецкой работы; саксонские мечи, французские копья с кистями; шлемы различной формы, украшенные перьями, конскими хвостами, крыльями птиц, цепями. Они были начищены и сверкали на солнце.

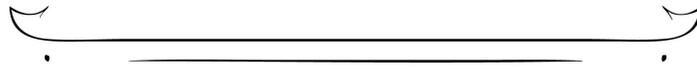
У многих свешивались с плеч звериные шкуры, подшитые красным сукном. У нек^{ото}рых были на шлыках медвежьей головы, оленьи рога, птичьи клювы. Все раскошелились на пояса и цепи, густо украшенные самоцветами, греческой финифтью и чеканкой. У поясов и на цепях висели мечи с богато украшенными рукоятями и ножами, усаженными золотыми гвоздиками. На левой ноге у многих были большие золочёные шпоры; др^{уг}ие щеголяли золотыми удилами и позолоченными чёлками у лошадей.

Кони все были под чепраками, одетыми поверх ярко и цветисто расшитых узорчатых попон.

Женщины были преимущественно одеты в русское или греческое платье по образцам, вывезенным из Киева. Таково же было происхождение большей части богатств и предметов роскоши.

Один из поезжан вёз алую государеву хоругвь с гербовыми знаками, с золотыми кистями.

Непосредственно перед королём ехали его ближайшие любимцы, разодетые богаче всех. Наконец, сам Болеслав ехал медленным шагом на своей долгогривой серой кобыле, покрытой золотой попоной; вся сбруя на ней была алая с золотом, а над головой качался «чупрун», унизанный драгоценными камнями. Король ехал, надменно подбоченясь, и почти не правил Орлицей, к^{ото}рую вели под уздцы два

отрока; каждый нёс на плече по огромному мечу. На короле было платье из тёмнокрасной парчи, у пояса висел небольшой меч — только для украшения. За ним несли королевский щит из чистого золота и другой меч.

Далее в пышных одеждах, отороченных мехом, выступали придворные сановники и вельможи с жезлами, с цепями на шеях, гордые и сумрачные, как сам король. В хвосте бежала дворня и мелкие слуги, к<ото>рые важничали за спиной панов и кичились перед безответной толпой.

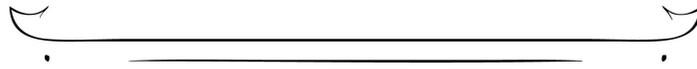
Народ теснился в лугах под Вавелем за оградой из верёвок, натянутых на жерди. Жители Кракова, Страдом, Клепажа, Пясков, Вонволи и окрестных сёл собрались посмотреть на торжество; близ ограды виднелись земляне верхами; они нарядились попански, но их совершенно затмевал блеск королевского выезда, медленно двигавшегося при звуках труб к королевским шатрам. Болеслав даже не взглянул на землян.

Предшествующий трубачами, неумолчно трубившими в роги, он въехал на площадку, среди к<ото>рой ожидало его седалище. Пешая прислуга, стоявшая наготове у шатров, подбежала принять коней короля и сановников. Дружина не спешила, а расположилась вокруг стройными рядами. Высшие чины стали перед помостом, чтобы возглашать названия областей, поветов и городов в порядке внесения дани. Начальники были все неграмотные, а потому казначей Сцибор держал при себе молодого послушника из духовн<ого> звания, к<ото>рый подсказывал ему названия, выписанные на длинном пергаментном свитке.

Король занял своё место. У ног его было разостлано сукно, на к<ото>рое складывались дани: с одной стор<оны> меха и шкуры, с другой — золото и серебро. Сначала подходили богатые земляне, жупаны главнейших городов, затем прочие владыки, богатые кметы и рыцари.

Прежде короли на таких съездах по обычаю не только угощали данников, но спрашивали о нуждах, беседовали, устраивали вместе охоты, выслушивали жалобы, давали советы, часто шутили со своими голд^{ов}никами и были рады видеть вокруг смеющиеся лица. Но Болько не хотел даже глядеть на земских людей и рыцарей: он сильно повздорил с ними, воротясь из Киева.

Теперь он даже кивком никому не ответил на низкие поклоны, а если и вымолвил слово, так только своим любимцам. Так что все молча складывали к его ногам привезённое добро, а подкоморники приглашали в шатры: там на столах красовались разные яства, мясные блюда, а в бочёнках и кадках стояли мёд и пиво. Каждый мог есть и пить, что хотел. Но ни король не видел своих гостей, ни они не хотели знать его стола. Большинство лишь проходило вдоль шатров и, не прикоснувшись к хлебу-соли, возвращалось на свои места.

Со стороны напиравшей черни, хотя она, казалось, и молчала, доносился глухой шум: звяканье оружия, ржание коней, сдавленный говор, шелест тканей на лёгком ветру.

Близк короля царила тишина. Только придворные нахально казали друг другу на нек<ото>рых плательщиков. Болеслав искоса и гневно поглядывал на иных, на поклоны не отвечал никому, а от иных отворачивался с презрением и нанавистью.

Лица данников были сумрачны. Приходили не по доброй воле; иные слали вместо себя младших родственников чтобы не бить челом злодею. Однако дань текла обильно, всё выше подымалась гора золота и серебра — разной монетой и рублеными слитками⁵.

Болеслав Смелый даже не обращал внимания на эти богатства. В открытые ворота чередом входили вызываемые, а за ними несли дань; отвесив поклон, они отходили к шатрам.

По окончании церемонии король воротился во дворец и прилёг отдохнуть на низком ложе, устланном мягкими мехами. Его любимые охотничьи псы спали с одной с ним комнате и пользовались правом ложиться на его постель. Собак и лошадей он предпочитал людям. Любил также соколов, кречетов и кобчиков, к<ото>рых было полно в его покоях. Он был храбрый воин и очень любил охоту; если не было войны, он заменял её охотой, всегда на сильного и опасного зверя — на оленей, лосей, кабанов, зубров и туров. Нередко разъярённые лоси поднимали его на рога вместе с лошадью и подбрасывали его на воздух, топтали ногами и бодали. Он ходил с рогатиной на зубра, с кинжалом на кабана, с топором на медведя. Напрасно было бы удерживать его: он готов был убить на месте такого радетеля.

Громадные псы не подпускали посторонних к его спальне, а по его знаку готовы были растерзать ч<елове>ка...

Достаточно было лёгкого прикосновения к двери, как вся свора зарычала. Король смолчал; дверь приоткрылась, и в неё просунулась седая голова королевского подкоморного Янка Хузли:

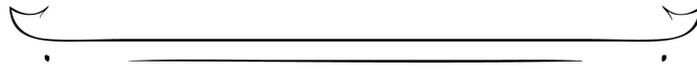
— Его милость ксёндз Станко, епископ, требует свидания.

Король вышел в приёмную светлицу и сел на трон под развешанными на стене мечами и щитами; пол был устлан коврами, окно, затянутое рыбьими пузырями, пропускало желтоватый свет.

Вошёл печальный и строгий Станислав из Щепанова, в епископской одежде, с перстнем на пальце и с крестом на шее.

— Чего тебе надо? — спросил король.

⁵При Болеславе II начал чеканиться серебряный денарий (диаметром 13—14 мм) с его изображением на аверсе и надписью «Boleslavus». После коронации появился новый денарий: Болеслав в короне, с мечом в руке. Королевский монетный двор в Кракове выбил массу таких монет. Они были значит<ель>но крупнее денариев Мешко II и Казимира Обновителя. Конечно, в Польше обращались и чужеземные деньги.

— Всемиловивейший государь! Не я прихожу к тебе, но в моём лице и со мною приходит церковь, наша мать...

Епископ начал излагать жалобы земских людей и рыцарства, присовокупляя все недовольства духовенства. Король отвечал гневно, с грозным смехом и хлопая по рукоятке меча. Когда епископ сказал, что хочет говорить с королём как брат, исполненный любви, король пришёл в страшную ярость оттого, что ксёндз называет себя его братом.

Станко упрекнул его в разврате.

— Молчи, поп! — ответил Болеслав.

Но епископ не замолчал. Он говорил о блудодейственной связи короля с отнятой у Мстислава из Буженина женой.

— А тебе какое дело? — в бешенстве крикнул король.

Епископ посоветовал ему вернуть жену Мстиславу и покаяться. Король, чтобы не броситься на епископа, обеими руками вцепился в поручни трона. Наконец, Станислав сказал:

— Церковь помазала тебя на царство, она же отнимет благодать помазания.

Болеслав вскочил и закричал страшным голосом:

— Прочь! Не удержусь... ударю! Никто и никогда не смел мне так перечить и не поплатиться жизнью! Уходи!

Епископ поднял правую руку и, точно отгоняя злого духа, перекрестил его большим крестом; затем повернулся и вышел вон. Король упал в кресло, скрежеща зубами и изрыгая языческие проклятия.

Вечером у короля был пир; земские люди не явились на него, только дружина, придворные и простой люд шумели за столом.

В это время много людей собралось на Скалке, куда епископ перешёл из дворца на Вавеле. В то время, как на Вавеле гремели песни и Буривой, старший из пяти братьев-болеславцев, подносил королю кубок, в скромном жилище епископа на Скалке теснились земские люди, искавшие совета. В доме почти не было слуг. Столы, лавы, распятие на стене, у двери медный таз для святой воды, плетёнки вместо ковров... епископ не держал ни золота и серебра, ел на глиняной посуде, а всё достояние тратил на костёлы, книги (стоившие тогда очень дорого), на бедных и сирот.

После недолгого совещания с представителями землян Станко отпустил их. Остался лишь чешский прелат, и епископ сказал ему:

— Anathema sit! Я прокляну его! Отправляйся в Прагу и повтори там мои слова: корона польская на безголовии, жезл святого Маврикия на безручье, престол Пястов на бескорольеве, край ныне на безотцовии, ждёт Вратислава, чтобы отдаться под его высокую руку! Земские люди его примут, рыцарство обрадуется... Два мощных королевства сольются воедино!

⤿
⤿

Слово епископа было твёрдо; это был железный ч<елове>к, как все Щепановские, отец его Велислав и дед, крепкие земляне.

Король буянил у себя на Вавеле; чашники и подкоморные не успевали услуживать двору и гостям; пир сменялся пиром, и король веселился, лаская свою Христю. Но первые тучки появились над ним.

В своих теремах, окружённые русинами и русинками, вспоминали родной Киев королевы: старая Добронега, мать короля, и вечно заплаканная Велислава. При них, как тепличный цветок, рос королевич Мешко. Здесь пели только тихие церковные напевы, повторяли старые сказания. Светлица была полна ароматов цветов и зельев, рассыпанных по полу; в углу висел греческого письма золочённый образ, а перед ним теплилась лампада. Но и в этот тихий уголок дворца проникла смута: услышав о ссоре Болька с епископом, королевы пали к его ногам, умоляя примириться с церковью. Болько посмеялся, но покинул терем королев с беспокойным сердцем.

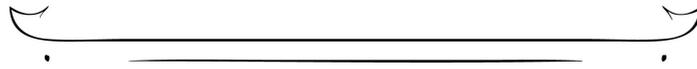
Приехал его младший брат, мягкий и покладистый Владислав — Герман; Болько недолюбливал его, презирая его набожность. Владислав тоже стал уговаривать его помириться с епископом, но король обратил всё в шутку и усадил брата за пиршеств<енный> стол. Тот едва прикасался к яствам и мрачно отвечал на вопросы.

Епископ Станко жил скромно. Большую часть времени проводил он в клетушке, по стенам к<ото>рой на полках стояли великие сокровища — огромные фолианты в деревянных окладах, с медными и костяными украшениями. Этот бесценный клад о привёз в Польшу после семилетнего пребывания в Париже. По числу книг библиотека Станислава занимала первое место после Бенедиктинского книгохранилища; на покупку книг он издержал почти всё отцовское наследие.

Среди комнаты стоял стол с аналоем для чтения и письма, с высоким сиденьем и всеми тогдашними приспособлениями для письма: тростниковыми ручками, пергаментами и едкой жидкостью (письмена вытравлялись на пергаменте особою жидкостью, так называемым «инкаустом»). Здесь же, в шёлковой мешочке лежала овальная епископская печать, шнурки и воск для оттисков. Рядом горела итальянская лампочка (плошка, светильник), фитиль которой плавал в маслянистой жидкости. При свете этой лампадки епископ читал, развёрнутую на аналое книгу...

Неск<оль>ко недель подряд он избегал служить в кафедральном соборе св. Вацлава в замке; раннюю обедню служил либо в своей домово́й церкви, либо в маленьком костёле св. Михаила на Скалке, при к<ото>ром временно числился священником. Но однажды он служил мессу в замковом костёле с подземной часовней — крыптой*. Скромный снаружи, он был богато убран внутри. Вместе с ксендзом Станиславом служили бенедиктинские монахи из Тыньца. Полудикий народ теснился в костёле, вокруг него разъезжали королевские любимцы — полуязычники. Месса была прервана ударами: король вломился, нарушил службу звоном оружия,

*Крыпта — ясли, где под Рождество устраивался вертеп.

держался гордо, как завоеватель. Всех напугала выходка короля, клир перетрусил, а королевская дворня праздновала победу.

И вот Болеслав уехал на охоту. Пока он пускал соколов под Краковом, епископ готовился к церемонии. Вечером духовенство соборне вошло в небольшой костёл на Скалке. На алтаре, как перед всенощной, ярко горели свечи; в воздухе медленно звучал колокольный звон. Вслед за епископом всё духовенство покорно вошло ризницу и стало облачаться в праздничные ризы и скуфейки. Епископ надел митру и взял в руки жезл.

На унылое гудение колокола стекались люди, теснились в притворе и костёле. Толпа росла. Из ризницы вышли два мальчика, один с крестом, другой с книгой. За служками величаво шествовали бледный епископ, а за ним попарно шли священнослужители в рясах, с зажжёнными свечами. Дойдя до алтаря, они стали по шесть ч<елове> с каждой стороны архипастыря, поднявшегося на ступени амвона.

Толпа смолкла в суеверном трепете. Епископ трижды ударил посохом о ступени алтаря, раскрыл книгу и стал читать про себя слова молитвы. Потом повернулся лицом к алтарю и запел унылым погребальным голосом: «Тебе Бога хвалим». Духовенство запело вместе с ним. Знакомые слова и напев звучали странно и непонятно. Некоторые из священников утирали слёзы. Колокол звонил жалобно. Непонятный обряд пугал толпу. Пение кончилось. Воцарилась мёртвая тишина; епископ с той же книгой обратился лицом к пастве. Лик его был грозен, как лик судьи перед произнесением ужасного приговора. Возвысив голос, епископ стал торжественно читать:

«— Проклят Болеслав, Казимиров сын, король; проклят со всеми сообщниками и советниками; со всеми, к<ото>рые радовались, видя его деяния; знали о его поступках и не удержали его и не кричали о беззакониях его.

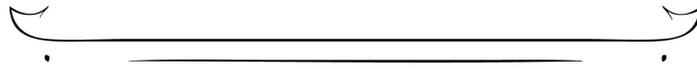
Да будет проклят Болеслав под кровлею своею и во дворе своём, и во граде, и во веси, и на нивах; да будет проклят, когда сидит, стоит и ест и пьёт, работает и спит. Да будет проклят, да не останется на нём живого места, ни здоровой части тела; да будет проклят от головы до ног; да вытечет утроба его, да пожрут черви его тело. Да будет проклят наравне с Ананием и Сапфирой; да будет проклят с Каином-братоубийцей. Да будет жительство его обращено в пустыню, а сам он вычеркнут из книги живота. И пусть память о нём сотрётся и исчезнет навеки.

Да будет проклят на страшном судище Христовом вместе с дьяволом и ангелы его и пусть погибнет на веки вечные, если не опомнится!»

Окончив, епископ бросил перед собою на пол свечу, к<ото>рую держал в руке. В тот же миг всё духовенство тоже стало бросать свечи, громко возглашая:

— Аминь! Аминь! Да будет тако!

В одно мгновение весь Краков облетела весть: король проклят! Мы без короля!

Ночью король воротился с охоты. Он увидел толпу стенающих людей и пришпорил коня, чтоб узнать, в чём дело. Люди в ужасе разбежались от него. Король был изумлён и встревожен. Всюду слышались крики и плач.

— Проклятие! — сказал король. — Чехи или немцы?

Он поскакал к замку. Все и тут разбежались перед ним. На пороге замка он увидел остолбеневшую от горя мать, полубезумного Владислава, плачущего Мешка над бесчувственной королевой Велиславой. Болеслав стиснул рукоять меча. Всё клокотало в его душе; он силился смеяться, но из уст его невольно вырвалось языческое сквернословие.

Король понял, что он проклят.

Вскоре весть разлетелась по стране. Земские люди покидали короля и отказывались повиноваться. Короля не было, хотя он был жив.

Через несколько дней епископ Станислав служил в Костёле на Скалке. Во время мессы в церковь ворвался король со своими последними рыцарями. При возношении бескровной жертвы король ударил бискупа мечом. Приложили свою руку и «Болеславцы». Епископ был изрублен в куски. Люди в ужасе разбежались из маленького костёла. Убийцы ускакали.

Костёл был пуст. На алтаре догорали свечи; на ступенях валялась опрокинутая чаша, смятый под ногами дискос, окрашенный кровью белый плат.

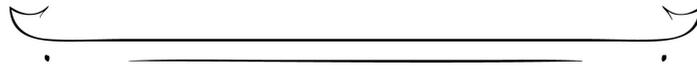
Наконец, останки мученика были убраны, и на все четыре стороны были отправлены гонцы.

Король окопался в замке и не показывался. День и ночь у ворот ходили удвоенные караулы; осёдланные кони стояли во дворе, и прохаживались вооружённые дружинники, готовые в любой момент вскочить в седло.

На третий день через Вислу переправился отряд ратных людей, вошедший в город и расположившийся у подножия Вавеля. Предводителем был Делива. На следующее утро подошёл во главе такого же отряда Крук, а к ночи Бжехва с третьим отрядом. То были вожди земских людей.

Король приказал наточить мечи, приготовить луки и метательные копья. Людей у него уже было немного; прочие были разбросаны по замкам, в пограничной полосе, в городах на постое (в одном месте их трудно было бы прокормить). Из «обозовищ» шли плохие вести. Духовенство уже снюхалось с начальниками: то один, то другой под разными предложениями отказывались явиться; одни отмалчивались, другие прямо поднимали знамя бунта. В то же время воеводы и жупаны захватывали власть на местах.

Все костёлы были закрыты, алтари стояли без ксендзов, крещёный народ (особенно в городах) тщетно домогался исповеди, венчаний, похорон. Вышегород стал островом посреди океана. Никто не нападал на него, но никто и не хотел знать короля. Бесконечно долго, в ужасе и молчании, тянулись дни на Вавеле. Духовенство

запугало чернь. Никто не собирался защищать ч<елове>ка, душа и тело к<ото>рого были во власти Сатаны.

Рыцарство и земские люди нигде не встречали сопротивления. Уже росла молва о чудесах, совершавшихся у гроба епископа-мученика, об орлах, охранявших его изрубленные члены, о свете, исходившем по ночам из его могилы.

Дружина короля таяла. На зло всем он утопал в наслаждениях и знать не хотел о земском войске, стоявшем у ворот замка. Он говорил о конях, псах, облавах на зверей. Король постарел и пожелтел.

Прошёл год. Между королём и страной шла та же молчаливая, бескровная и беспощадная война. Вооружённые толпы сменялись, укреплялись у подножия Вавельского холма. От целого королевства у Болеслава в повиновении осталась только Смочья гора, из полчищ — лишь горсточка связанных с ним людей.

Наступила весна 1080 года. Вавель походил на крепость, истомлённую долгой осадой. Дворы его поросли травой. Не хватало припасов. Челядь уходила по одиночке. Король не позволял роптать и замыкал уста бранью и угрозами. Нек<ото>рых, нарядив в заячьи шкурки и засунув за пояса кудель, со срамом выгнал из замка.

Половина построек Вавеля пустовала. Королевские наперсники по ночам ходили в соседние селения вербовать людей в королевские полки. Чернь, боясь мести своих панов, боялась шевельнуться. Селяне тайком давали королю живность и припасы, но въявь открещивались.

Король не прекратил выездов на полеванье. Однако, узнав, что в его отсутствие делались попытки обманом занять Вавель, он оказал себе в последнем развлечении.

Наконец, когда возмущение земства дошло до предела, король отдал приказ:

— Нагружать возы казною. Людям быть наготове всем до единого. Не только света что в Кракове!

Весь день только и видны были гружёные возы, дорожные мешки и вьюки. На Вавеле ковали и снаряжали коней. Король не выходил из покоев, никого не хотел видеть, дразнил собак и хохотал, когда они его кусали.

Сборы продолжались всю ночь при факелах. В тереме королев служанки снимали пологи, укладывали утварь, бегали и суетились.

Добронега осталась.

На заре замок был оголён до нитки. Во дворе кишели все его жители и стояли полные возы. Когда королеву с Мешком подвели к повозкам, находившимся среди обоза, старая Добронега вышла, опираясь на двух придворных. По лицу её текли слёзы, в руках была золотая икона; она приказала поддержать себя и, воздев руки горе, благословила иконой отъезжавших.

Впереди ехал король на серой Орлице под золотую попоною. На нём были золочёные доспехи, королевская мантия, на шее цепь, пояс с самоцветными

каменьями. С гордой осанкой, с короною на шлеме, с выражением презрения на бледном лице, он был далёк от покаянных мыслей. Он смотрел угрожающе: «Вернись!» Рядом с ним развевалось знамя, несли мечи, шли трубники с рогами. За ним шли верные болеславцы, сверкающие железными доспехами, с мечами в руках, увешанные луками. За ними шла дружина, двор, челядь, ратные люди, двумя длинными шеренгами оцепившие обоз с королевскими сокровищами, лошадей на поводу, охотничьих собак и соколов. На возах, укутанных в плахты, сидели, плача, женщины, дети и больные.

Земские полчища расступились, пропуская королевский поезд. Никто не снял шапки, никто не послал вдогонку оскорбительного слова.

На др<угой> день ополчение начало разъезжаться. Через некоторое время править стал князь Владислав Герман.

Болеслав не вернулся в Польшу. Восстание крупных феодалов вынудило его бежать из страны, а в 1081 он умер в Каринтии, в возрасте 42 лет.

Погребение знатного поляка в XI веке

Умер патриарх знатного рода; все члены оно́го собрались на похороны. Старейшины стеснились около его «избицы». Окна были раскрыты, двери сняты с петель; внутри горели свечи, несло́сь оттуда унылое медленное пение, прерываемое слёзными стонами и выкриками. Среди «избицы», на высоком ложе, покрытом медвежьими шкурами, лежал покойник в своей серой сукмане. В пальцы его был всунут крест, в головах стояло большое распятие, а два ксэндза по сторонам пели погребальные псалмы. Четыре носильщика внесли гроб, выдолбленный из целого дубового ствола; крышку несли отдельно.

Покойника положили в гроб на подстилку из хмеля и цветов; старейшины подошли поцеловать руку пращура; потом гроб заколотили и засыпали цветами. С великим трудом сыновья и внуки покойного подняли гроб на плечи и протиснулись в узкую дверь «избицы». За гробом вели накрытого попоной старого боевого коня; к седлу были привешены лук, стрелы и секира покойного. Нанятые плакальщицы выли, за ними шли два ксэндза, а далее весь род — отдельными семьями, каждая вокруг своего главы.

Шествие медленно двинулось; из посёлков и деревень, стоявших на земле покойного, собрались толпы народа и молча, без шапок, теснились вдоль дороги в костёл, откуда плыл медленный колокольный <ый> звон. В костёле пропели остальные псалмы и закончили обряд отпевания. На кладбище уже была вырыта могила. Пока в неё опускали гроб, на панском дворе спешно сколачивали из досок столы на козлах, варили мясо, выкатывали бочки пива и мёда, нарезывали горы хлеба, жарили на вертелах целых баранов и коз. Ни одни похороны не обходились тогда без языческих поминок, к<ото>рые иногда длились неделями.

Первую горсть земли в могилу бросал следующий старейшина рода.

Послесловие к изложению романа Крашевского

«Болеславцы»:

Святой Станислав Костка, епископ краковский, убитый Болеславом II, к^{ото}рого он отлучил от церкви, считается патроном Польши. Его праздник — 7 мая.

1. Станислав род^{ился} в 1030, учился в Гнезне и Париже. С 1071 <года> епископ краковский, в 1079 <году> убит в краковском костёле св. Михаила по приказу Болеслава Смелого — за то, что обличал его беспутный образ жизни и отлучил от церкви. В 1253 <году> Станислав канонизирован Иннокентием IV.

История убийства всё ещё темна. Папа на это убийство не реагировал. Последующие папы долго сопротивлялись канонизации Станислава. Почему?

Галл Аноним в своей хронике назвал епископа Станислава «предателем». Нек^{ото}рые считают, что в споре, раздиравшем христианство XI века, Болеслав Смелый стоял за папу, а епископ Станислав — за римского кайзера Генриха IV.

Сегодня польские историки пишут: «Болеслав казнил за измену краковского епископа Станислава, что вызвало восстание крупных феодалов и вынудило короля бежать в Венгрию».

Крашевский пишет, что земство не любило Пястов, и что земляне говорили: «У них в роду либо богатыри, либо расслабленные и изверги. Мешко напоследях наполовину онемечился. Казимира вырастили немцы. Болько обрусел: хочет править нами по русскому обычаю».

Слабый король

В 1079—1097 правил брат Болеслава II — смирный Владислав I Герман. Королевского титула не принимал. Род^{ился} около 1043 <года>. Возведён на трон вельможами.

Польша при Болеславе II и при его младшем брате неуклонно слабела из-за войн с Русью и внутренних раздоров.

Процесс феодализации вёл к распаду королевства. Владислав Герман в основном выполнял волю вельмож, к^{ото}рые свергли его старшего брата и посадили на престол его самого.

Есть сведения, что Владислав Герман умер только 4 июня 1102; раздел Польши между двумя его сыновьями был произведён при жизни Владислава Германа, отказавшегося от власти.

Bolesław III Krzywousty (1086—1138)

В 1097 <году> умер (?) Владислав-Герман. В 1099 <году> был совершён раздел Польского королевства между двумя его сыновьями. Старший сын, Збигнев, получил Великую Польшу со столицей в Гнезно; южную половину, т. е. Малопольшу и Силезию, получил Болеслав, прозванный Кривоустым. Он был ещё полурёбенком, но ему предстояла великая военная слава.

Князь Збигнев при поддержке немецких войск вверг всю Польшу в долгую междуусобную войну, в к<ото>рой и подрастал Болеслав III. Родился он, как историки предполагают, 20 августа 1085 (или 1086) <года>. В 1103 <году>, ещё молодым ч<елове>ком, он женился на дочери киевского князя Святополка — Збыславе (она умерла в 1108). Хорошие отношения с Киевом обеспечили Болеславу Кривоустому тыл с востока и помогли победить в упорной борьбе со старшими братом Збигневом и его союзником — германским императором Генрихом V.

Все пять лет жизни со Збыславой князь Болеслав III воевал со своим старшим братом Збигневом и ходил походами на Поморье. В 1107 <году> он возвратил Польше Колобжег, важный порт на Балтийском море, центр Кошалинской земли.

В 1108 <году> княгиня Збыслава умерла. Её сын Владислав II сохранит живые связи с Киевской Русью.

В борьбе против брата Збигнева и кайзера Генриха V Болеслав Кривоустый добился объединения под своею властью всей Польши, князем к<ото>рой он и считается с 1106 по 1138.

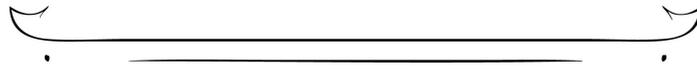
В 1109 <году> Болеслав III отразил вторжение германского* Генриха V, прославился обороной крепости Глогув и громовой победой над немцами на Псе-Поле.

Болеслав Кривоустый возродил бранную славу Пястов. Он стал грозой немецких маркграфов. Он вёл войны с Чехией (1103—1110), вмешивался в венгерские дела, оказывал поддержку претенденту на венгерский трон князю Борису против короля Бэлы II. В 1109 <году> на Собачьем поле (Psie Pole, ныне один из районов города Вроцлава) Болеслав III разбил войска германского кесаря Генриха V.

Он ослепил, а потом и убил своего старшего брата Збигнева. Во искупление этого греха король Болеслав III совершил покаянное паломничество в Гнезно на могилу св. Войцеха. В память об этом он велел выбить «покаянный брактеат»*: на аверсе монеты изображён король, стоящий на коленях перед епископом. Диаметр этой монеты достигал 26,5 мм, т. е. она была вдвое больше всех монет, имевших тогда хождение в Польше.

* Было: «германического». Видимо, описка.

* Брактеат — монета, чеканившаяся только с одной стороны.

В результате успешный воин Болеслав Кривоустый в 1116 <году> воссоединил с Польшей Восточное Поморье (Гданьское), а в 1123 <году> — Западное*. В хронике Галла Анонима записана победная песня рыцарей Болеслава Кривоустого:

Naszym przodkom wystarczały ryby słone i suchnące,
My po świeże przychodzimy w Oceanie pluskające.

Так они славили выход Польши к Балтийскому морю. Болеслав Кривоустый частично присоединил к Польше земли лютичей, к<ото>рые, однако, спустя полвека будут захвачены Альбрехтом Медведем — и уже навсегда.

Болеслав III объединил все польские уделы и стал великим князем Краковским, а на Вавеле построил мощный замок.

Чувствуя приближение кончины и памятуя о затяжной борьбе, к<ото>рую он вёл в молодости со Збигневом, Болеслав решил упорядочить заранее порядок наследования и самолично присудить долю каждому из сыновей. Незадолго до смерти, уже в 1138 <году>, он огласил знаменитый акт о наследовании, получивший печальную известность под названием «статута Болеслава III». Этим статутом вводился принцип раздела страны между сыновьями монарха. Одному из сыновей предоставлялись титул «князя-сениора» (лат. senior — старший) и права верховного князя; кроме своего удела он получал сеньоральный удел с городами Гнезно и Калиш. Ему вменялась в обязанность чеканка монет для всех братьев.

Так завещание Болеслава Кривоустого привело к удельной раздробленности Польши.

Болеслав Кривоустый был храбрым и умным королём, хотя и титуловался только великим князем. Его серебряный денарий (около 1115, диаметр 13 мм) изображает стоящего Болеслава, к<ото>рый поражает копьём дракона (вероятно, Вавельского смока). На др<уго>м денарии выбит бюст Кривоустого в боевом шлеме и с мечом.

Но этот рыцарственный монарх разделил Польшу между пятью своими сыновьями. Держава распалась на самостоятельные удельные княжества. Пясть снова попытаются объединить уделы; история повторится при Болеславе Кудрявом.

Болеслав Кривоустый умер 28 октября 1138 <года>. Первым князем-сеньором после его смерти стал Владислав II Изгнанник, к<ото>рый княжил в Кракове в 1138 —1146, пока не был изгнан своим братом Болеславом Кудрявым; умер в изгнании.

Владислав II выбил денарий, позже названный «Орёл и заяц»: на аверсе его выбит воин, повергший наземь врага; на реверсе взлетающий ввысь орёл уносит в когтях зайца. Тот же князь повелел отчеканить монету, изображающую его самого в схватке со львом.

Легендарный польский витязь

* В 1120—1123 он завладел Западным Поморьем и восстановил ленную зависимость от Польши местного князя Вартислава I.

⤿

Желислав Белина — польский полководец конца XI века, командовавший всеми войсками Болеслава Кривоустого; умер в 1102 <году>. По преданию, во время войны против Святослава Моравского Белине в бою отсекли руку, но он, невзирая на это, остался на поле брани и выиграл сражение. За это Болеслав Кривоустый наградил его золотой рукой, помещённой в его гербе. Герб «Белина» — на голубом поле три подковы, между ними подъятый для удара меч, к<ото>рый золотая рука заносит над шлемом.

В дальнейшем к гербу «Белина» принадлежали Фалецкие, Наропинские, Подгоржецкие, Пражмовские, Тарновские, Венсерские, Прушковские, Жеромские и Бржозовские.

Герб «Топор» происходит от древнепольского рода Топоров, к<ото>рый делился на две линии — Старжовцы и Колки. Все Топоры шагу не делали без своих боевых секир, от которых и получили своё родовое прозвание.

Boleslaw IV Kędzierzawy (1125—1173)

Сын Кривоустого, Болеслав Кудрявый в 1138 <году> получил в удел Мазовию и Куявию. Изгнав из Кракова старшего брата Владислава II, Болесл<ав> Кудрявый стал князем-сеньором и распространил свою власть на большую часть польских земель (1146). В 21 год он стал польским князем Болеславом IV.

Ввиду угрозы войны с немцами он стремился к союзу и единству со своими братьями Мешко, Генриком и Казимиром. Но князь Генрик довольно рано погиб.

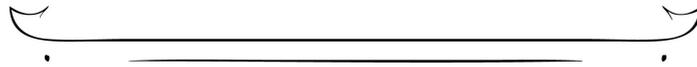
Владислав II Изгнанник имел сильного союзника — германского императора Фридриха Барбароссу. Потерпев поражение в войне против Барбароссы, Болеслав Кудрявый был вынужден признать зависимость Польши от Священной Римской империи (1157).

Болесл<ав> IV вёл войну с языческими племенем пруссов в Прибалтике (походы 1164, 1165, 1167). Заметен упадок Польши. Её значение в Европе уменьшается, Пясты слабеют.

В 1170 <году> katedra gnieźnińska была украшена сокровищем искусства, сохранившимся до сих пор: это słynne drzwi spiżowe.

Mieszko Stary

Один из сыновей Болеслава Кривоустого Мешко Старый в 1140 (?) женился на юной мадьярке Эржибет (Елизавета, род<илась> около 1128 <года>), дочери венгерского князя Алмоша и его жены Елены Сербянки. Это был политич<еский> брак, к<ото>рым малопольские Пясты скрепили свой союз с венгерским королём Бэлой II Слепым.

Овдовев, Мешко в 1154 <году> взял в жёны Евдокию, дочь киевского князя Изяслава II; брат Евдокии, Мстислав, женился на Агнешке, сестре Мешко Старого. Этот парный брак скрепил союз Мешко с Русью.

В 1173 <году> умер Болеслав Кудрявый, и Мешко стал князем-сеньором. Слух о том, будто Мешко поклялся Евдокии передать польский трон её сыновьям, вызвал бунт Одона, сына Мешка от первого брака.

Мешко пытался усмирить князей и установить единодержавие, но его притязания на Краков встретили сопротивление знати: её colloquium в 1177 <году> постановил сохранить Малопольшу в роду Казимира, младшего брата Мешко.

Уже с начала княжения Мешко монетные дворы прекратили чеканку двухсторонних денариев. Их вытеснили брактеаты, остававшиеся главным платёжным средством на протяжении XVIII века.

При Мешко III Старом выпущены брактеаты с изображениями по мотивам древнееврейских легенд, не имеющие никаких аналогий в Европе. Загадка их появления не решена по сей день.

Мешко III умер в 1202 <году>, но до этого успел покняжить над Краковым: может быть, благодаря злодеянию.

Казимир II Справедливый

С 1177 <года> в Кракове княжил Казимир II Справедливый. На аверсах его брактеатов помещались слова Virtus (доблесть), Iustitia (справедливость), Fides (верность). Другую серию брактеатов украшали религиозные символы и двуххвостая морская сирена.

Согласно летописи, 5 мая 1194 <года> Казимир II внезапно умер во время пира в возрасте 56 лет. По преданию, он умер после того, как выпил кубок вина.

Был ли отравлен Kazimierz Sprawiedliwy? Во всяком случае, его смерть облегчила Мешку занятие Кракова, куда он был впушен победившей партией вельмож, после того как принял её условия и заключил с ней договор.

Начало литературы

Костёл создал раннюю польскую литературу: хроники на латинском языке. Капеллан Болеслава Кривоустого Галл Аноним описал в своей хронике создателей польской державы и их борьбу с врагами; этому французу удалось эпическая хроника, пронизанная чувством польского патриотизма и имеющая светский характер.

Его преемником стал краковский епископ Винценты Кадлубек* (ок. 1160—1223), писавший хронику с церковной точки зрения и ставивший Костёл выше государства. До XVI века латынь царила в польской литературе.

Лешко Белый и гибель Романа Мстиславича

После смерти Мешка III (1202) вельможи передали краковский престол сыну Казимира II — Лешку Белому.

В то время блестящим полководцем и великим государем Юго-Западной Руси был Роман Мстиславич, с 1173 <года> князь волынский, а с 1199 и галицкий, гроза половцев, ятвягов и Литвы. Пленных литовцев он обращал в рабов и заставлял пахать его земли, за что его корила поговорка: «Романе, Романе, худым живеши, Литвою ореши».

В 1202 <году> он завладел Киевом, сделав из него свой северный форпост. Имя Романа знала вся Европа. Папа Иннокентий III предлагал Роману королевскую корону при условии вассальной присяги, но Роман отверг опеку Рима.

В 1205 <году> он предпринял поход в Польшу, намереваясь (по мнению польских историков) захватить люблинские земли, но 19 июля 1205 <года> погиб в бою. Французская хроника сообщает: «Король Руси по имени Роман, выйдя за пределы своих границ и желая пройти через Польшу в Саксонию... убит двумя братьями, князьями польскими, Лешком и Конрадом, на реке Висле».

В XV в. польский хронист Длугош сообщил, что Лешко и Конрад в благодарность за победу посвятили в Краковском соборе алтарь святым Гервазию и Протасию, в день памяти которых погиб могущественный «король Руси»

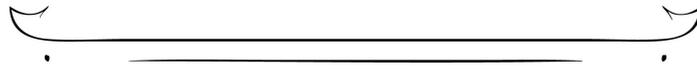
Трагедия западных славян

В раннем Средневековье южный берег Балтийского моря к западу от устья Вислы заселяли племена поморян — охотников и рыбаков. Край их назывался Поморье, а язык был ветвью древнего польского. В то же время поморяне были близки к полабским славянам, племена которых (бодричи, лютичи и др.) издревле заселяли территорию от Лабы на западе до Одры на востоке.

Бодричи (ободриты) — это северная часть полабских славян; к концу VIII века это был племенной союз, объединившийся вокруг собственно бодричей. Они жили по обеим берегам Нижней Лабы, но позже были оттеснены немцами дальше на восток.

При устье Одры у поморян были города Щецин и Волин, торговые города Любин и Аркона.

*Фрагмент ggn-68-1-12: «Винцентий Кадлубек (ок. 1150—1223) — родился в селе Каргова близ Стобницы, польский летописец, архиепископ Гнезненский; автор хроники, охватывающей историю Польши с легендарных времён до 1202 года; умер 8 марта 1223 в Енджеюве.

Аркона была не только важным торговым городом, но и религиозным центром балтийских славян, тогда ещё язычников, на острове Руй (ныне Рюген); город известен с X века. Аркона славилась своим храмом языческого бога Святовита. В этот храм славяне свозили богатые пожертвования, в том числе много драгоценностей и золота. Храм Святовита в Арконе описал известный датский хронист Саксон Грамматик (Saxo Grammaticus, 1140 — ок. 1208), автор латинской «Истории Дании», содержащей также легенду о принце Гамлете.

Племена полабских славян объединялись в союзы для борьбы против натиска немцев, и бодричи были союзниками Карла Великого в его многолетних войнах с саксами. После завоеваний Карла Великого в Германии сложилась раннефеодальная монархия; в состав её входили герцогства и маркграфства. Их экспансия на славянские земли длилась веками. В этой затяжной борьбе западные славяне упорно держались своей веры — языческого многобожия.

Западный форпост славянства был обречён. Немцы постепенно покоряли славян, насильно обращали в христианскую веру и затем превращали в крепостных крестьян. Славяне или погибали в этой борьбе, или смешивались с немцами.

Лютичи — это племя, давшее название сильному племенному союзу полабских славян. Они упорно боролись против немецкой экспансии, но в XII веке потерпели поражение: немецкий феодал Альбрехт Медведь (1100—1170) в середине века захватил земли лютичей и жестоко расправился с ними. Лютичи подверглись варварскому истреблению; уцелевшие уже к XIV веку были онемечены. Альбрехт Медведь создал Бранденбургскую марку, распахал в ней целину, основал города. Само название «Бранденбург» — немецкая деформация славянского «Брани Бор» («Военная застава»). Эту область ранее населяло славянское племя гаволян. В XIII в. Бранденбург станет маркграфством, в XIV веке — курфюршеством.

Немного позже лютичей, во второй половине XII века, бодричи тоже были разбиты: частью вырезаны, частью онемечены.

В бассейне реки Шпрее по сей день живут лужицкие сербы (лужичане). Это славянский народ, их земля называлась Лужице; она входила в состав Польши, но утрачена ею при Мешко Втором, вскоре после смерти Болеслава Храброго. Немцы стали называть Лужице словом Lausitz: Верхний Лаузиц — часть Саксонии, Нижний Лаузиц — часть Бранденбурга. Несмотря на онемечивание, лужичане до XX века сохраняли свой язык и нек<ото>рые национальные особенности.

Поморяне на Балтике упорно боролись с датчанами. Европа оправдывала нападения датчан на «славянских пиратов», но такими же пиратами были и датчане. Последние в 1168 <году> взяли и разрушили Аркону — последнее языческое государство славян. Датчане разграбили богатства Арконы и её знаменитого храма, стоявшего на высокой скале, край к<ото>рой отвесно обрывался к морю. Храм исчез. Многих жителей датчане обратили в рабов.

⤿
_____⤿

В конце X века Поморье входило в состав Польской державы. Её князья и короли не хотели уступать немцам Поморья и упорно сражались за него, понимая торговую важность морских берегов. Поморяне крестились вслед за Польшей. Они были не совсем поляки, их старое название — словинцы; от них некогда отделились на восток ильменские словены, основавшие Новгород.

Феодальная раздробленность, ослаблявшая Польшу, привела к потере ею Поморья. Уже в XII веке поморские и силезские «княжата» вошли в состав Священной Римской империи, и западные польские уделы, *księstwa piastowskie*, оказались *znięmczone*.

В начале XIV века Восточное Поморье будет захвачено Тевтонским орденом. Западное будет управляться своими князьями гораздо дольше, но тоже подвергнется немецкому завоеванию с вытеснением и ассимиляцией словинцев-поморян. Их польские потомки называются кашубами.

Захватив Поморье, немцы назвали его *Pommern* (Померания).

Силезские князья

Лешко Белый, князь краковский, умер в 1227. Его вдова передала престол в Кракове силезскому князю Генриху Бородатому, талантливому и энергичному правителю (ок. 1163 — 1238).

Генрих, приобретя большую часть Великопольши, снова объединил под своей властью большие территории. Он был устроитель и централизатор; он привлекал в свои владения, особенно в Силезию, немецких колонистов, к^{<ото>}рые охотно шли к нему, спасаясь от грабежей со стороны рыцарей-разбойников, ставших бичом Германии.

Женой Генриха Бородатого была святая Ядвига.

После смерти Генриха Бородатого престол перешёл к Генриху Благочестивому, но в 1241 <году> монгольское нашествие положило конец объединительной политике силезских князей.

Генрик I Бородатый, вроцлавский князь из династии силезских Пястов, уже с 1201 <года> стремился к объединению польских земель. В 1232 <году> он овладел Краковским княжеством, в 1234 — Велькопольским; его правление ознаменовалось развитием Силезии.

Генрик Бородатый умер в Кросно 19 марта 1238 <года>.

Сын Генрика Бородатого и Ядвиги Меранской Генрик II Набожный род^{<ился>} около 1191 (?). Он взошёл на престол в 1238 <году>, отстоял от германского вторжения Любушскую землю и сохранил отцовское наследство, но 9 мая 1241 <года> пал в битве под Легницей, преградившей путь татаро-монгольским ордам далее на Запад.

Ливы и тевтоны

Прибалтийский край, где ныне находится Латвия, с древних времён заселяли языческие племена ливов, стоявшие на невысоком культурном уровне. В 1159 <году> бременские купцы по пути в Висби пристали к устью Двины (Даугавы), завязали торговые отношения с ливами, затем углубились в их страну. В 1186 <году> в Икесколе монах Мейнхард построил церковь, и папа римский назначил его епископом ливов.

Но обращение их шло медленно, и только при епископе Альбрехте, к<ото>рый в 1201 <году> основал Ригу, христианизация края продвинулась. В 1207 <году> здесь был учреждён Ливонский религиозно-рыцарский орден, впоследствии прозванный Орденом Меченосцев.

Собственно, орден был основан в Риге (1202) епископом Альбрехтом Буксгевденом (он же Апельдерн), но утверждён Иннокентием III в 1207 <году>. Официальное название — «Братья воинства Христова»; устав наподобие устава тамплиеров; отличительное облачение — белый плащ с изображением меча и креста; отсюда прозвище «меченосцы».

К 1223 <году> почти вся Ливония (нынешние Эстония и Латвия) были захвачены Ливонским Орденом. Однако через 13 лет выяснилось, что он слишком много сожрал.

Около 1190 <года> в Иерусалиме немецкие крестоносцы на базе иерусалимского госпиталя — «Дома Святой Марии» — основали Тевтонский (т. е. Немецкий) орден. Официально он назывался «Братья Дома Святой Марии в Иерусалиме»; в 1191 <году> утверждён Климентом III, в 1198 — Иннокентием III. Однако в результате острого соперничества с госпитальерами и тамплиерами орден Тевтонов был вытеснен из Палестины и в 1226 обосновался в Северо-Восточной Европе, где польский князь Конрад Мазовецкий предоставил ему область Хелмно и предложил начать завоевание прусс.

Роковое решение Конрада Мазовецкого

Мазовия (Mazowsze) — это область по рекам Висла, Буг и Нарев, в основном тогда покрытая лесами и болотами. Города Мазовии — это Варшава и Плоцк. Её жители, мазуры, по сей день говорят на особом наречии.

Из всех польских княжеств Мазовецкий удел наиболее обособился от Польши. В 1228 <году> князь Конрад Мазовецкий, чувствуя своё бессилие в борьбе с пруссами, набеги к<ото>рых опустошали Мазовию и Куявию, призвал на помощь крестоносцев Тевтонского ордена и отдал им землю Хелминскую и Любавскую в нижнем течении Вислы.

Пруссы были воинственным языческим племенем, одним из племён полудикой Литвы, страны лесов, через которую протекает их любимый Немунас (река Неман) и которая находится между Польшей и ливами. С 1230 <года> Тевтонский орден начал завоевание земли пруссов, затянувшееся на полвека. Ломая героическое сопротивление пруссов, немецкие монахи-рыцари прибегали к массовому истреблению населения.

В 1231 <году> Тевтонский орден основал город Торн, а в 1237 — Эльбинг.

Слияние двух орденов

В 1236 <году> в битве при Сауле литовцы и ливы (латыши), соединив свои силы, почти полностью истребили войско Меченосцев. Остатки разгромленного Ливонского ордена были слиты с Тевтонским орденом и составили одну из десяти его «провинций». Экспансия немецких рыцарей направляется на восток — против Руси. В то же время Тевтонский орден угрожает Поморью.

Литовцы

Литовские племена жили по преимуществу в густых лесах. Они были язычниками, поклонялись деревянным идолам; их главным богом был громовержец Пиркунас (Перун). Верховный жрец Криве-Кривейто (Кирвейто) ставил и смещал литовских князей. Князья правили при помощи рады и в мирное время не обладали чрезмерной властью. Только с X века в Литве зарождается феодализм.

Соседи считали литовцев дикарями, ввиду их грубого образа жизни и примитивной пищи. Любимым лакомством их была печёная репа. Они отращивали длинные косматые волосы до плеч; главным боевым оружием литовцев были палица и секира. Знатных людей они после смерти сжигали на кострах, как это водилось некогда и у восточных славян. Литовцы были храбрыми воинами и особенно удачно сражались, прятались и вновь неожиданно возникали в своих дремучих лесах, но у них не было настоящей военной организации. Общинно-родовой строй не позволяет создать армию.

Тевтонский орден противопоставил литовцам хорошо организованную армию, состоявшую из самих «братьев», из монахов, оруженосцев, фусскнехтов (наёмная пехота) и рейтеров (всадников — добровольцев и наёмных). Тевтоны продвигались медленно, тяжело и основательно: захватывая новые земли, они тут же руками порабощённых местных жителей возводили опорные крепости. Литовцы были бессильны против каменных замков.

⤿
_____⤿

Исход этой борьбы нетрудно было предугадать. Европейское военно-культурное превосходство немцев обрекало языческие племена Литвы на гибель. Эти нечѣсанные и полудикие охотники со своею родовой «военной демократией» не могли сколько-нибудь долго сопротивляться европейскому феодализму.

Литовцы поклонялись Прамжинасу, богу богов, обитателю небес. В их преданиях рассказывалось, что первой литовской государыней была Крумина, к<ото>рая засеяла землю злаками.

Рудницкая пуца — крупнейшая пуца Виленского воеводства, Троцкого уезда: тянулась от местечка Рудник до Немана свыше чем на 70 вёрст, изобиловала зверями. Литовские князья построили тут охотничий дворец. В пуце росли тополя, ели, пихты; водились лисицы, волки, медведи, рыси, вепри, лоси, даже редкостные росомахи; в водах водились выдры.

Уточнения о религии литовских племён

Языческие жрецы, охранявшие священный огонь и приносившие жертвы Перкунасу, назывались у прусов вайделотами, а у литовцы вейделотами. Их неугасимый огонь по-литовски назывался «швента угнеле» (оба слова — славянские). Вторым названием хранителей огня было «жинис» (ведающие), ибо они предсказывали будущее. Это слово поляки превратили в знич и называли так (ошибочно) сам святой огонь литовских капищ.

Вейделоты занимали среднее место в жреческой иерархии: выше их были креве, кревето и др., ниже — вуршайты, сигонты и др<уг>ие.